

ИГОРЬ ВИТТЕ

ТОЧКА ЛАГРАНЖА

ЦИКЛ «ПРОЛОГ»

КНИГА ПЕРВАЯ

Пролог

Игорь Витте

**Цикл: Пролог. Книга
первая. Точка Лагранжа**

«Автор»

2026

Витте И.

Цикл: Пролог. Книга первая. Точка Лагранжа / И. Витте —
«Автор», 2026 — (Пролог)

20 июля 1969 года. Посадка «Аполлона-11». Весь мир следит за первым шагом на Луне. И лишь бесстрастный самописец телеметрии фиксирует аномалию — скачок параметра, длящийся доли секунды. Никто не заметил. Февраль 1973-го. Крым, засекреченный гарнизон. Капитан Кузнецов видит на осциллографе невозможное: сигнал, повторяющий ту самую аномалию. Он собирает материалы и летит в Москву. Он не долетит. Расследование гибели офицера выводит майора КГБ Ратникова на нелегала ЦРУ, внедрённого под маской инженера из ГДР. След ведёт к конструктору секретного космолёта Воронцову — единственному, кто способен понять, что скрывает Луна. Твёрдая НФ, шпионский триллер и тайна, которая начинается на Луне, а заканчивается там, где не ступала нога человека. Первая книга цикла.

© Витте И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Игорь Витте

Цикл: Пролог. Книга первая. Точка Лагранжа

Пролог

20 июля 1969 года

Ослепительно белая, усыпанная кратерами, словно оспинами, Луна молчаливо проплывала под кораблём, притягивая к себе внимание экипажа. Прошло сто два часа и двенадцать минут с момента, когда под исполином «Сатурна-5» взревел огненный вихрь, отрывая почти три тысячи тонн от стартового стола.

— Хьюстон, «Колумбия». Как слышите?

— Слышим вас отлично, Майк.

Коллинз ещё раз пробежался взглядом по приборам командного модуля.

— Понял.

В его голосе не было волнения. Минуту назад тяжёлый люк закрылся за Нилом и Эдвином, оставляя его одного. Нил и Базз уже в «Орле», и пройдёт ещё минута или две, когда лунный модуль начнёт свой спуск к ослепительной поверхности спутника Земли, а он останется здесь, в командном модуле, наблюдая и каждый виток теряя связь и с Хьюстоном, и с лунным модулем. Но не это его волновало, а то, что, случись что там, внизу, он ничем не сможет помочь им.

— Наблюдатель. Я всего лишь наблюдатель.

А на борту «Орла» Нилу Армстронгу и Эвдину Олдрину было не до размышлений. Шла привычная, отработанная многодневыми тренировками на Земле работа. Они проверяли системы, сверяли показания и готовились к величайшему событию в истории. Где-то там, позади, в трёхстах восьмидесяти четырёх тысячах километров, осталась Земля и всё человечество. А впереди — только несколько километров пустоты до поверхности Луны.

— Системы в норме, — бросил Олдрин.

Армстронг коротко ответил:

— Хорошо.

— «Орел», Хьюстон. Вы готовы к отделению?

Армстронг:

— Готовы.

— «Колумбия», подтвердите.

— «Колумбия» готова.

Секунду в эфире был слышен только треск помех, затем прозвучало:

— «Аполлон-11», это Хьюстон. У вас есть разрешение на расстыковку.

Ещё с минуту Чарльз Дьюк передавал полётные инструкции и массивы навигационных данных, торопясь успеть до ухода корабля в тень Луны. Наконец параметры орбиты переданы, частоты связи подтверждены и время синхронизировано.

— Увидимся на той стороне, — произнёс Дьюк за секунду до разрыва связи.

Треск и молчаливое шипение радиоэфира прервала короткая фраза Коллинза:

— Окей, я готов выдать импульс на расстыковку. Три, два, один... Есть расстыковка!

Лунный модуль медленно, словно не поверив в свою свободу, отплывал от командного. Нил проверил работу всех маневровых микродвигателей и доложил на «Колумбию»:

— У «Орла» есть крылья!

— Отлично! Я начинаю манёвр удаления. Отойду чуть ниже тебя, чтобы не мешать траектории спуска.

— Принято, Майк, — ответил Олдрин. — Мы фиксируем радар на тебе. Данные считываются чётко.

Армстронг медленно начал вращать лунный модуль, поворачивая его на триста шестьдесят градусов и давая возможность Коллинзу осмотреть спускаемый аппарат.

— Нил, вижу тебя отлично. Все четыре лапы вышли и зафиксированы. Выглядишь здорово.

— Прекрасно, Майк. Спасибо. Твой корабль тоже чистый, никаких повреждений не вижу. Готов к спуску.

— «Аполлон-11», это Хьюстон, — раздалось в наушниках, как только оба аппарата вышли из тени Луны.

— Хьюстон, «Колумбия». «Орел» отстыковался.

— Вас понял, мы это видим по телеметрии. Как он выглядит?

— Он выглядит отлично, только висит кверху ногами! — ответил Майк.

— Кто-то из нас точно перевёрнут, Майк, — улыбнувшись, заметил Нил.

— «Орел», вы получили разрешение на начало снижения орбиты, — раздался голос Чарльза Дьюка.

— Принято, Хьюстон! Начинаем снижение.

— Ну ладно, ребята. Удачи вам там. Внимательнее с этим кратером, — передал последнее напутствие Майк Коллинз.

— Спасибо, Майк. Увидимся на этой стороне. Жди нас, — ответил Нил и включил тормозной двигатель.

Лунный модуль слегка качнуло, и он начал медленно опускаться к поверхности.

— 10 000 футов. Скорость спуска 100 футов в секунду. Выглядит хорошо, — отработовал Олдрин.

— «Орел», говорит Хьюстон. Мы теряем вашу телеметрию. Поверните корабль по рысканью на 10 градусов.

— Не пойму, в чём дело, — поморщился Нил, выполняя команду Хьюстона.

Связь восстановилась, но напряжение не исчезло. Луна медленно росла в окне, поначалу показавшись просто серым краем, но с каждой минутой становясь всё больше. На панели вспыхнул индикатор.

— У нас захват радара, — произнёс Олдрин.

— Понял, — ответил Нил. — Хьюстон, высота подтверждается.

В ЦУПе установилась тишина. Все следили за мониторами, затаив дыхание и ловя любой шорох, любой звук, раздававшийся в эфире. И вдруг:

— Программа даёт ошибку 1202. Дайте нам оценку по ошибке 1202! — голос Армстронга звучал спокойно, но чувствовалось невероятное напряжение.

Руководитель полёта Джин Кранц обернулся к инженеру Стиву Бэйлсу:

— Мы летим? Стив, мы летим?

— Ошибка означает перегрузку, но система работает, — с секундной задержкой ответил Бэйлс.

— Продолжаем! — скомандовал Джин.

— Роджер. Вас понял. Мы даём добро по этой ошибке, «Орел». Продолжайте, — передал команду Чарльз Дьюк.

Ещё несколько минут напряжения, и вновь:

— Теперь 1201! — Нил уже явно волновался.

— Мы даём добро и по 1201. Всё в порядке.

— Снижение тяги двигателя ожидается в 6 плюс 25, — последовала команда Дьюка.

— Две тысячи футов. Две тысячи футов. Угол 47, — прорвался сквозь помехи голос Олдрин.

— Семьсот пятьдесят футов. Спускаемся со скоростью 23. Угол 35.

— Семьсот футов, скорость спуска 21, угол 33.

— Шестьсот футов, спуск 19.

Нил посмотрел в окно, и доли секунды хватило, чтобы понять, что автоматика ведёт к посадке в Западный кратер, заваленный камнями и без единого ровного места. Решение ещё не успело сформироваться в голове, когда руки начали действовать. Он перевёл компьютер в полуавтоматический режим, наклонил модуль вперёд и взял управление вектором скорости на себя, чтобы перелететь кратер. В лунном модуле были слышны только слова Базз:

— Пятьсот сорок футов, спуск... Угол 30. Скорость спуска 15.

— Четыреста футов, спуск 9. Скорость движения вперёд 58.

— Триста пятьдесят футов, скорость спуска 4.

— Триста тридцать футов, скорость спуска 3,5.

— Триста футов, спуск 3,5. Скорость вперёд 47. Притормози.

— Двести десять футов. Спуск 4. Движемся вперёд. Скорость вперёд около 40.

— Сто шестьдесят футов. Спуск 6,5. Скорость вперёд...

— Девяносто футов. Порядок. Спуск 0,5. Скорость вперёд 10. Отлично.

— Осталось 60 секунд! — вмешался из Хьюстона Дьюк, сообщая о минутном запасе топлива на посадку.

— Семьдесят пять футов. Выглядит хорошо. Спуск 2,5. Вперёд, — продолжает Олдрин.

— Осталось 30 секунд! — напряжённо произносит Дьюк, следя за показателями остатков топлива.

— Фиксируем подъём пыли... — доносится голос Олдрин.

— Четыре фута вперёд. Чуть-чуть сносит вправо. Отлично.

— Индикатор касания!

— Двигатель стоп! — устало произнёс Нил, обращившись к напарнику.

В ЦУПе несколько секунд стояла напряжённая тишина, которая оборвалась голосом Нила Армстронга:

— «Орел» сел!

А в кабине лунного модуля Нил тихо произнёс:

— Ну что, парень, мы сделали это.

— Это было здорово. Слава богу, мы на месте, — ответил Базз.

Двадцать секунд после посадки, пока астронавты проверяли положение корабля и готовили на всякий случай экстренный взлёт, казались вечностью на Земле. Только беспристрастные автоматические системы фиксации телеметрии аккуратно записывали на самописце показания состояния систем. Но никто — ни в ЦУПе, ни тем более Нил и Эдвин — не заметил кратковременного, в доли секунды, скачка одного из параметров. Наконец в наушниках затрещало и зашуршало, и голос Армстронга произнёс:

— Хьюстон, База Спокойствия. Мы завершаем послепосадочный чек-лист. Выглядит так, будто мы пролетели чуть дальше нашей цели... Земля здесь относительно ровная, много крупных и мелких кратеров, валуны...

— «Орел», это Хьюстон. Мы зафиксировали вашу посадку. У вас есть добро на пребывание на две минуты.

— Вас понял, Хьюстон. Есть добро на две минуты, — подтвердил Олдрин. — Говорит пилот лунного модуля. Я бы хотел попросить каждого человека, кто меня слышит, кем бы он ни был и где бы ни находился, на минуту задуматься о событиях последних часов и воздать благодарность тем способом, который он сочтёт нужным.

Спустя несколько минут Хьюстон дал добро на пребывание на поверхности в течение нескольких часов.

109 часов и 24 минуты полётного времени. Небольшая телевизионная камера, закреплённая на борту лунного модуля, вела трансляцию на весь мир. Нил Армстронг ступил левой ногой на лунную пыль и произнёс:

— Это один маленький шаг для человека, но гигантский скачок для всего человечества.

Глава 1

Огромная тридцатидвухметровая антенна современного радиотелескопа ТНА-400 устремила фермы излучателя в тёмное крымское небо. Её ажурная конструкция уже больше десятка лет была украшением симферопольских степей и главной достопримечательностью посёлка Школьное. Этого посёлка не было на советских картах, и почта сюда приходила с адресом «Симферополь-28». Это был один из многочисленных закрытых городов и посёлков СССР. У массивного бетонного основания антенны стоял человек и курил, прикрыв папиросу согнутой кистью, чтобы со стороны не было видно огонька. Когда-то давно его отец, подполковник военной разведки Алексей Воронцов, научил его этой военной хитрости. Только тогда, на фронте, он использовал это для того, чтобы не обнаружить себя для фашистского снайпера, а теперь уже он, его сын, инженер-майор Сергей Алексеевич Воронцов, использует этот фронт-овой приём для того, чтобы покурить спокойно на режимном объекте перед началом смены. Благо, жил он совсем близко от КИКа (контрольно-измерительный комплекс) и всегда приходил на службу заранее, а не ездил на дежурке, как остальной расчёт дежурной смены. В темноте крымской ночи за бетонным основанием радиотелескопа раздался негромкий звук мотора и скрип тормозов дежурного автомобиля.

«Вот и смена прибыла», — подумал Сергей, делая длительную затяжку и выпуская дым вверх, в звёздное небо с огромным диском Луны. Где-то там, за сотни тысяч километров от Земли, сейчас крутятся вокруг серебристо-пятнистого диска Луны три представителя вероятного противника, как принято называть США в военных кругах.

— М-да! Вероятный противник, — почти шёпотом произнёс Сергей. — Но ведь они — единственные представители человечества сейчас там, в бездонной пустоте...

Он посмотрел на тлеющий огонёк папиросы и, притушив его о подошву, щелчком отправил окурки в полёт в сторону диска Луны.

— Хьюстон, пять минут, полёт нормальный! — улыбнулся Сергей и вышел в освещённый участок перед входной дверью внутреннего КПП.

Почти в тот же момент из-за угла основания антенны появилась группа людей, спешащих в сторону КПП.

— Сергей, приветствую! — протянул руку человек в форме подполковника с широким открытым лицом и явно среднерусскими чертами. — Ты, как всегда, раньше всех!

— Здравия желаю, Георгий Сергеевич! Да, хотел успеть покурить перед сменой.

Это был инженер-подполковник Русаков — руководитель боевого расчёта на КИКе.

— Успел? Покурил? — вопросительно посмотрел на Сергея подполковник.

Сергей молча кивнул.

— Ну тогда идём, время не ждёт. Нам выпала самая интересная смена. По данным разведки, сегодня они попытаются сесть.

Сергей пропустил вперёд Русакова и остальных семь человек дежурного расчёта. Они уже несколько месяцев работали вместе, регистрируя и перехватывая телеметрию с американских «Аполлонов». Для него, Сергея Воронцова, инженер-майора в одном из закрытых московских НИИ, год назад стало совершенно неожиданным предложение поработать в Крыму. Поначалу он чуть было не отказался, ведь Наташка, его Наташка, вот-вот должна была родить, но именно она тогда сказала:

— Серёжа! Ты должен ехать. Мы с Андрюшкой справимся, он ведь у нас уже большой. Правда, Андрюшка? — жена нежно потрепала сына по русым волосам.

— Да! — твёрдо, по-мужски ответил четырёхлетний карапуз. — А ты на море меня возьмишь?

— Возьму, возьму! — подхватил он сына на руки...

А потом были полгода проверок и согласований, бесконечные беседы в первом отделе, и, наконец, он, получив предписание, приехал сюда. Правда, до моря здесь было далеко, хотя говорили, что из Симферополя летают аэротакси — вертолёты Ми-4, и билет стоил около трёх рублей, но с самого приезда он понял, что не только сына с женой он вряд ли привезёт сюда, но и самому не придётся, видимо, искупаться. Секретность была беспрецедентной. Программа «Поиск» умела хранить свои секреты. И вот теперь, 20 июля, он идёт во главе своего расчёта телеметристов на смену, чтобы принять эстафету слежения за американским «Аполлоном», который уже совсем скоро должен был приземлиться... точнее, прилуниться на спутнике Земли. Было обидно, что не Советский Союз первым высадился, но Сергей, как никто, знал, почему это произошло. И, наверное, именно поэтому его и прикомандировали сюда, дав возможность из первоисточников получить ценнейшую информацию.

Внутри привычно пахло изоляцией и разогретыми радиоэлементами. В его ведении была группа регистрации данных и контроля телеметрии, в которую, кроме него, входили ещё три человека. Инженер-капитан Гаврилов Владимир — оператор телеметрических систем регистрации. Он контролировал декодирование цифровых потоков и вывод параметров на осциллографы. Инженер-капитан Фёдоров Николай — специалист службы космической связи, отвечал за синхронизацию и разделение комплексного сигнала на аудиоканалы и телеметрические кадры. И, наконец, старший лейтенант-инженер Кузнецов Юра — оператор многоканальных магнитофонов. Именно он вёл непрерывную запись аудиопереговоров Армстронга и Олдрина с Хьюстоном. Обязанности остальных он знал только поверхностно, но точно знал, что этажом ниже сидят ребята, которые будут фиксировать телесигналы с поверхности Луны, а на верхнем этаже сидят спецы, от которых, по сути, зависит вся работа КИКа — технари, вручную управляющие положением антенны. Ошибись они на долю градуса — и связи не будет, и тогда ни телеметрии, ни переговоров и тем более никакой телетрансляции.

«Колумбия» и «Орёл» сейчас были на другой стороне Луны, и поэтому все сосредоточенно ждали появления первого потока телеметрии.

— Всем внимание! — раздался голос Русакова. — «Аполлон» выходит из тени. Приготовились.

В следующую минуту аппаратура ожила, на экранах осциллографов появились первые всплески сигналов телеметрии, а в громкоговорителях, сквозь треск помех, слышались слова астронавтов. Сергей посмотрел на часы, висящие на стене. Одни показывали время московское, вторые — время по Гринвичу. Двадцать часов две минуты по Гринвичу и двадцать три ноль две по Москве. Английский Сергей знал, но не настолько хорошо, чтобы переводить на лету. Он узнавал знакомые технические термины, но вот иногда путался в аббревиатуре. Именно поэтому Юра Кузнецов комментировал всё по переговорам астронавтов.

— Запущен тормозной двигатель. Высота пятнадцать тысяч метров. Время двадцать три ноль пять.

— Высота двенадцать тысяч метров. Время двадцать три десять. Сбой, ошибка один-два-ноль-два. Запрашивают решение.

— Получено разрешение на продолжение миссии.

— Что-то у них происходит. Время двадцать три четырнадцать. Они уходят с траектории посадки.

В помещении установилась напряжённая тишина, нарушаемая только англоязычной речью Олдрина, ведущего отсчёт и комментарии происходящего. Сергей посмотрел на застывшего Кузнецова. Минуты тянулись, как патока.

— 60 seconds, — раздалось из динамика трансляции.

— Что там? — напряжённо спросил Сергей, но Юрий только поднял руку в жесте «подожждать».

— Время двадцать три восемнадцать — посадка! — Кузнецов повернулся с улыбкой на всё лицо. — Они сели!

— Чего лыбишься, как будто это мы сели? Что-то подозрительно вы себя ведёте, товарищ старший лейтенант, — улыбнулся в ответ Сергей.

— Да брось ты, Сергей! — улыбку с лица Юрия как ветром сдуло.

— Следи давай за переговорами, — Сергей показал на пульт МАГ-59.

Все остальные сосредоточенно смотрели на приборы.

— Что за ерунда, — тихо произнёс Гаврилов.

— Что там, Володя?

— Какой-то всплеск в телеметрии, причём непонятно откуда. Мы этого канала не знаем и не декодируем.

Сергей подошёл к нему. На экране осциллографа ещё осталось послесвечение от довольно сильного сигнала. Но в этом месте не должно быть никаких сигналов, тем более таких всплесков.

— Как думаешь, командир, что это?

— Может, какой сигнал? У нас ведь посадок ещё не было, — пожал плечами Сергей.

— Да не могло быть. Мы их протоколы прошерстили с особой тщательностью. Не могло в той зоне ничего быть.

— Слушай, а может, это просто какая-то помеха? Сколько у нас задержка сигнала от Луны — одна или полторы секунды? За это время на весь пакет может чёрти что подействовать.

— Скорее всего. Эх, посмотреть бы сырую запись всего потока. Может, это с какого-нибудь другого канала наводка?

— Да нет, Володь, никто этого нам не даст. Записи сейчас опечатают и отправят в Москву. Ладно! Давай не будем забивать себе головы лишним. В конце концов, если что случится, то это не с нашим аппаратом.

— Согласен, Серёг, но всё же интересно!

Глава 2

21 июля 1969 года. Москва, Старая площадь

Полумрак кабинета разрывал только свет настольной лампы, который, отражаясь от сукна обивки стола, отбрасывал на дубовые панели стен изумрудно-зелёный оттенок и терялся в высоте потолка. На столе привычно лежали чертежи с утреннего совещания, логарифмическая линейка и большой счётный калькулятор с газоразрядными лампами индикатора. Ночную тишину взорвал звонок «вертушки». Человек в двубортном сером костюме-двойке, на груди которого поблескивали две золотые медали «Серп и Молот», и в строгом однотонном галстуке устало поднял трубку, поправив строгие очки в роговой оправе. В это время мог звонить только «Первый».

— Уже слышал? — раздался в трубке знакомый замедленно-монотонный голос с характерными паузами.

— Не только слышал, но и видел, Леонид Ильич. Только что вернулся с трансляции.

— И что теперь будем делать, Дима? — в голосе Брежнева улавливалось плохо скрываемое раздражение. — Просрали Луну!

— Просрали, Лёня! Просрали, но это было понятно ещё весной. Но не всё ещё потеряно. У нас «Луна-15» уже на орбите. На завтра запланирована посадка.

— Понятно-то понятно... И Луна ваша тоже хорошо, но... — генеральный секретарь замолчал на несколько секунд. — Что дальше, Дмитрий Фёдорович? Думаю, созвать Политбюро и решать.

— Давай не будем рубить сгоряча, Лёня. Я уже на завтра собрал совещание главных конструкторов. Устрою им разнос для начала, а потом прикажу дать свою оценку и видение будущего. Нужна комплексная программа развития космоса, и так, чтобы учесть всё и не обидеть никого.

— Ну... ты в принципе... прав... Андрей свои проекты не упустит... — Брежнев вновь промолчал и, причмокнув, продолжил: — Ты у нас главный по космосу, давай, действуй. И с Сусловым посоветуйся!

Дмитрий Устинов, секретарь ЦК КПСС и кандидат в члены Политбюро, не успел ответить, услышав в трубке короткие гудки. Он положил трубку и откинулся на спинку кресла. В голове роились мысли, а в душе поднималась странная смесь обиды за поражение и знакомой ещё с войны уверенности в своей правоте — чувства, закалённого ещё в бытность наркомом вооружения в сталинскую эпоху. Он автоматически взял со стола один из лежащих здесь цветных карандашей и бесцельно покрутил его между пальцами.

«Да, проиграли одно из сражений, потеряли Луну... хотя кто сказал, что потеряли? Если завтра «Луна-15» сядет на Луну и, взяв пробу грунта, стартует назад, то грунт с Луны мы получим раньше американцев». — Дмитрий Фёдорович повернулся к стоящему слева КД-6 и нажал на кнопку селекторного вызова своего помощника Игоря Илларионова. Но аппарат молчал, и неоновая контролька не загоралась. Устинов взглянул на часы — время: половина второго ночи. Видимо, помощник куда-то вышел. Он привык, что Игорь, человек исполнительный и крайне аккуратный, иногда отсутствует на своём месте, постоянно перемещаясь по зданию ЦК, выполняя его поручения. Спать, несмотря на усталость от тяжёлого дня, совершенно не хотелось. Он посмотрел на зажатый между пальцами карандаш и положил его на стол.

21 июля 1969 года. Москва, Старая площадь. Спецбюро ЦК

«Орёл сел», — Игорь Илларионов читал ленту телетайпа в закрытом спецбюро ЦК на Старой площади. — «Наши политики ослеплены эйфорией от успеха. Считаю, что завтра будут требовать увеличения финансирования, а Пентагон уже потирает руки и мысленно готов затре-

бовать программу милитаризации не только орбиты, но и Луны. Постараюсь задушить НАСА через бюджетный комитет Конгресса. «Аполлоны» будут закрыты в течение трёх лет. Как дела у вас?»

Игорь Вячеславович Илларионов, помощник секретаря ЦК, выдающийся специалист по ракетной технике и системам ПВО и ПРО, сидел в спецбюро за телетайпом и читал сообщения по каналу «Квант» напрямую из Лэнгли, и на связи у него был не кто иной, как Роберт Гейтс. Нет, он не был агентом КГБ или ГРУ. Он был обычным аналитиком в штате ЦРУ, но его истинную сущность мало кто знал. Илларионов быстро застучал по клавишам аппарата, набивая ответное сообщение:

«У нас все в трауре. Хотя на трансляции Совет главных и наши космонавты искренне болели за Нила и Базза. Но Устинов на завтра уже назначил разнос Совету главных. Будут искать стрелочника. Не знаю как, но нам нужно постараться сблизить наши страны, пока не поздно. Я уже положил Устинову в папку предложение устроить космическую встречу на Эльбе. Представляешь? Стыковка наших кораблей в космосе».

«Встреча на орбите? Стыковка в космосе? — телетайпная лента начала двигаться с задержкой в несколько десятков секунд, видимо, во время которых Гейтс пытался осознать его предложение. — Игорь, ты бредишь. Ваши ястребы в Политбюро никогда не откроют секреты стыковочных узлов. Белый дом не пойдёт на это. Радикалы, и Байрд в том числе, спят и видят, как объявить космос американской собственностью».

Илларионов ухмыльнулся, прочитав ответ, и его пальцы быстро застучали по клавиатуре телетайпа:

«Они согласятся, Роберт. Политиков нужно просто правильно направлять. Помнишь прошлую неделю? Кто, по-твоему, заставил академика Келдыша поднять прямую засекреченную линию с НАСА и передать вам точные параметры орбиты нашей «Луны-15»? Устинов был против. Он кричал, что это выдача гостайны. Но я нашёл нужные слова. Мы создали прецедент, Роберт. Первое совместное координационное действие в космосе. И теперь нужно закрепить успех, Ты ведь понимаешь, почему мы вообще этим занимаемся?»

«Понимаю».

«Тогда помни главное: мы не имеем права позволить им узнать раньше времени».

«Даже если ради этого придётся остановить их?»

Илларионов некоторое время молчал.

«Иногда архитектор должен разрушить здание, чтобы оно не рухнуло само».

Аппарат молчал почти минуту, прежде чем застрекотать вновь:

«Принято, Игорь. Я начну продвигать проект стыковки через лояльных инженеров в Хьюстоне. Если только радикалы с обеих сторон не смешают нам карты. Наш сенатор Байрд в бешенстве от того, что «Луна-15» всё ещё там. Он считает, что русские готовят электронный перехват «Аполлона». Будь осторожен. Сербин у вас тоже не из тех, кто верит в мирное сосуществование».

Телетайп отстучал последние символы и затих. Игорь Илларионов произвёл ещё несколько известных только ему манипуляций, отключая секретный канал «Квант», и выключил телетайп. Сеанс закончен, теперь осталось только сдать комнату спецбюро связи дежурному шифровальщику и подняться к себе в кабинет на третий этаж. Шеф ещё здесь, он был уверен.

— Дмитрий Фёдорович, вызывали? — раздался голос Илларионова из динамика КД-6.

— Игорь, подготовь мне на завтра краткую справку о состоянии дел по проекту «Алмаз». Да, и вызови на завтра ещё Челомея.

— Сделаю, Дмитрий Фёдорович. Справку по «Алмазу» я могу занести прямо сейчас — уже готова.

— Неси. Посмотрю, — коротко бросил Устинов и нажал кнопку отбоя.

Уже через минуту дверь в темноте кабинета почти бесшумно открылась, и вошёл Илларионов. Он подошёл к столу и аккуратно положил на стол чёрную кожаную папку с золотым тиснёным гербом СССР.

— Вот, здесь справка по «Алмазу», Дмитрий Фёдорович... — Игорь сделал небольшую паузу, как будто набираясь решимости.

— Ну что ты там опять придумал? — Устинов пристально посмотрел на помощника сквозь стёкла очков, открывая папку. — Говори, не томи. Надеюсь, не передачу секретных данных противнику, опять?

— Нет, Дмитрий Фёдорович. В этот раз наоборот. Я предлагаю устроить встречу на орбите между космонавтами на «Союзе» и астронавтами НАСА на «Аполлоне».

Илларионов замолчал, внимательно наблюдая за реакцией начальника. Но тот, открыв папку, внимательно читал, иногда слегка улыбаясь.

— Присаживайся! — Устинов указал жестом на стул. — И как, по-твоему, это должно произойти? У нас даже системы стыковки не совпадают. Ты представляешь, какую работу нужно проделать, чтобы осуществить это?

— Прекрасно представляю, Дмитрий Фёдорович. Но и резонанс, и престиж СССР будут гораздо выше, если именно мы предложим эту программу. Тем более что сейчас ведётся работа по подготовке договора об ограничении стратегических вооружений, и этот полёт будет отличным подтверждением нашей решимости к разрядке. Да и сам процесс подготовки даст нам доступ к их технологиям.

— Давай так! Пока отложим этот вопрос. Сейчас главное — понять, куда мы будем двигаться дальше. Всё! Иди домой. И не забудь вызвать Челомея на завтра.

— Уже!

— Хорошо, тогда на сегодня всё! — секретарь ЦК взял отчёт по программе «Алмаз» и углубился в чтение.

Игорь Илларионов развернулся и вышел из кабинета. Ехать домой уже не было смысла. На завтра назначено совещание, и доехать до дома, поспать час или полтора и потом возвращаться назад не хотелось. Хотя шеф и назначал обычно совещания на вечернее время, прибыть на место он должен был вовремя. Можно остаться на работе и постараться выспаться у себя в комнате отдыха на кожаном диване.

«Так и сделаем», — подумал он, посмотрел на ручные часы и направился в свой кабинет.

К вечеру двадцать первого июля в приёмной секретаря ЦК на третьем этаже здания на Старой площади стали собираться все приглашённые участники. Одним из первых приехал Василий Мишин, главный конструктор бывшего ОКБ-1, ныне ЦКБЭМ, и преемник Королёва. Пройдя через контроль на входе подъезда 1, он поднялся в приёмную, прижимая к себе объёмный портфель с документами по ракете Н-1 и телеметрией неудавшегося пуска третьего июля. Вид у него был подавленный, он нервно ёрзал на одном из кожаных диванов, что стояли в приёмной. Периодически посматривая то на плафон над дверью в кабинет Устинова, который горел зелёным, сообщая, что хозяин кабинета сейчас там и свободен, то на сидевшего на своём месте Игоря Илларионова. Примерно в 20:00 в дверь приёмной вошёл министр общего машиностроения Сергей Афанасьев и почти следом за ним Валентин Глушко, главный конструктор ОКБ-456. Взглянув на Мишина, он холодно поздоровался, присаживаясь на диван, демонстративно отдаляясь от него. Ещё через несколько минут, и так же почти одновременно, прибыли Владимир Челомей — генеральный конструктор ЦКБМ — и Николай Пилюгин, главный конструктор НИИ-944. Поздоровавшись со всеми, они также заняли места на диванах в приёмной. В приёмной повисла напряжённая тишина, словно перед бурей. Хотя то, что предстояло вскоре пережить всем, а особенно Мишину, можно было спокойно отнести к этому природному явлению.

нию. За две минуты до назначенного срока дверь приёмной распахнулась, и в сопровождении двух охранников из «девятки» вошёл Михаил Андреевич Суслов в своём неизменном сером строгом костюме, застёгнутом на все пуговицы, и знаменитых галошах. Все присутствующие незамедлительно встали при появлении члена Политбюро и «серого кардинала» партии. Он окинул всех присутствующих взглядом и сухо, едва заметным кивком головы, поздоровался.

Игорь Илларионов открыл дверь в кабинет Устинова, пропуская Суслова вперёд, проводил его до стола, где уже ожидал Устинов. Поздоровавшись с Сусловым, Устинов усадил того по правую руку от себя и подал знак Илларионову запускать остальных. По уже устоявшейся традиции все участники совещания усаживались в ряд по одну сторону стола, оставляя вторую свободной.

— Товарищи! — Устинов обвёл взглядом присутствующих. — Как вам известно, вчера Нил Армстронг ступил на поверхность Луны. Американцы свою задачу выполнили. А вот мы свою пилотируемую — сорвали. Три недели назад на Байконуре у нас на воздух взлетел стартовый стол вместе с ракетой Н-1. Леонид Ильич сегодня утром спрашивал меня: «Дмитрий Фёдорович, как так вышло, что советский человек теперь смотрит на Луну через американский телескоп?» Что мне ему отвечать?

Главные конструкторы молчали, тупо уставившись в стол. Тишину нарушил негромкий, холодный голос Суслова:

— Товарищи. Посадка американцев на Луну — это тяжёлый удар по престижу советской науки и социалистического строя. Центральный Комитет партии спрашивает: как случилось, что миллиарды народных рублей потрачены, а наша ракета взорвалась на старте в начале июля? Кто ответит за то, что мы проиграли Луну? Василий Павлович, не подскажите?

Мишин заметно побледнел:

— Авария 3 июля — это трагическое стечение обстоятельств. За миллисекунды до отрыва загорелся насос окислителя двигателя 8. Система КОРД отключила почти все двигатели, и ракета упала на старт. Нам нужно время. Американцы вбухали в «Сатурн-5» в три раза больше денег и гоняли движки на наземных стендах, которых у нас просто нет! Нам нужно учиться на лету...

— Василий Павлович, не крутите мне телеметрию! — жёстко прервал его Устинов, постукивая карандашом по столу. — Вы обещали королевский задел по Н-1 довести до ума! Почему американцы смогли зажечь пять огромных двигателей F-1, а вы не можете синхронизировать тридцать наших?!

— Учиться на лету? — иронично переспросил Глушко. — Уничтожая миллиарды народных рублей, Василий Павлович? Я сразу говорил — тридцать двигателей на первой ступени работать синхронно не будут! Это не ракета, это связка карандашей. Пока вы не перейдёте на нормальное топливо, Н-1 летать не будет. Вчерашний триумф Штатов — это закономерный итог нашего упрямства.

— Валентин Петрович! — Мишин багровеет и привстаёт из-за стола. — Ваши компоненты — это гептил! Ядовитая грязь! И где были ваши кислородные движки, когда Сергей Павлович просил их в шестьдесят втором? Вы же сами отказались их делать!

Суслов холодно посмотрел на разгорающийся спор и еле заметно покачал головой.

— Товарищи, — положил руку на стол Челомей и, добавляя ядовитого тона в голос, продолжил. — Криками мы Луну не вернём. Дмитрий Фёдорович, если бы ЦК в своё время поддержал мой проект УР-700, мы бы обогнали фон Брауна ещё в прошлом году. Мой «Протон» летает. А УР-700 строился по модульному принципу — нам не нужны были гигантские стенды. Но вы ставку сделали на Н-1. Теперь имеем то, что имеем.

Пилюгин покачал головой:

— Володя, прекрати. Сейчас не время делить старые обиды. Дмитрий Фёдорович, автоматика подводит, потому что электроника отстаёт. Американцы на «Аполлоне» использовали интегральные схемы. Нам нужно коренное перестроение работы с Минэлектронпромом.

Сулов вновь едва заметно качает головой и отчётливо стучит карандашом по столу. В кабинете тут же наступает гробовая тишина. Михаил Андреевич продолжает в своей манере:

— Товарищи главные конструкторы. Ваша межведомственная грызня сейчас меньше всего интересует Политбюро. Вы спорите о железе, а мы на Старой площади думаем о том, как спасти престиж социалистической системы. Завтра мировые газеты выйдут с заголовками о «крахе коммунистической космической программы». Нам нужен мощный идеологический противовес. Дмитрий Фёдорович, что у нас с автоматами Бабакина?

— «Луна-15» сегодня успешно совершила посадку и завтра к утру должна стартовать назад.

— Прекрасно! Так в чём же дело? Где триумфальные сообщения ТАСС? — в глазах Сулова появляется блеск.

— Но её ещё нужно вернуть, — резонно замечает Мишин.

Сулов холодно посмотрел на него и перевёл взгляд на Устинова.

— Согласен! Торопиться не стоит, но вот с программой Н-1 нужно что-то делать и как-то идеологически отработать наше отставание, — кивнул Дмитрий Фёдорович.

— Значит, так. Для советского народа и международной общественности мы разворачиваем тезис: «СССР изначально исповедует принципиально иной, гуманный и научно обоснованный подход. Жизнь советских космонавтов слишком ценна, чтобы рисковать ею ради дешёвых эффектов в престижной гонке. Наш приоритет — автоматическое освоение космоса».

— Логично, — кивнул Устинов. — Это сгладит углы. Но бесконечно кормить прессу автоматами мы не сможем. Нам нужен реальный реванш. Мишин, сколько времени нужно на восстановление старта и подготовку третьего пуска Н-1?

— Не менее года, Дмитрий Фёдорович. Нужно перестроить разрушенный левый старт и перебрать логику КОРДа. Но мы доведём Н-1 ЛЗ до ума. Наш ЛЗ готов, Леонов и Макаров тренируются до изнеможения. Мы высадимся, пусть вторыми...

— Вторые на Луне партии не нужны, Василий Павлович, — Сулов вновь вернул свой неизменный холодный тон. — Второго Гагарина не бывает. Нам нужен качественный сдвиг, который американцы не смогут повторить в ближайшие годы.

— Значит, решение следующее, — Устинов встал, давая понять всем, что подводит черту. — Лунную программу Н-1 продолжаем, но без спешки и штурмовщины — нам больше нельзя взрывать стартовые столы. Георгий Николаевич готовит следующую миссию на Луну. А главный удар мы переносим. Раз уж мы упустили Луну, мы должны навсегда закрепиться на ближней орбите Земли. Начинаем форсированную работу по долговременным орбитальным станциям. Михаил Андреевич, как мы это назовём для прессы?

— «Салют», — спокойно отвечает Сулов, делая пометки карандашом в блокноте. — Советский «Салют» в ознаменование новой эпохи космических исследований. Земная орбита станет нашим плацдармом, который американцы со своим «Аполлоном» просто проскочили.

— Ладно, с прессой Михаил Андреевич вопрос закроет, — Устинов поворачивается к Челомею. — Но нам нужен реальный, осязаемый реванш. На ближней орбите. Владимир Николаевич, что у тебя с военной орбитальной станцией? Помнится, ты обещал мне, что твой «Алмаз» станет хозяином космоса. Докладывай, как есть, без прикрас. В каком состоянии комплекс?

— Дмитрий Фёдорович, проект продвигается, но нам катастрофически не хватает мощностей для финиша. — Челомей выпрямился, произнося всё уверенным голосом. — Корпуса двух первых станций ОПС (орбитальная пилотируемая станция) на заводе Хруничева уже сварены. Главная проблема — смежники. Пилюгин задерживает систему управления, а по линии

Минавиапрома до сих пор не готовы оптические приборы высокого разрешения. Кроме того, мой Транспортный корабль снабжения (ТКС) застрял на этапе проектирования капсулы возвращения. Если министерства продолжат нас футболивать, «Алмаз» выйдет на орбиту не раньше семьдесят третьего года. Но потенциал у комплекса огромный — это и разведка, и перехват, и мощный задел для мирного космоса.

— Семьдесят третий — это поздно, Владимир Николаевич. Слишком поздно. У нас нет этих четырёх лет. Американцы уже проектируют свою станцию «Скайлэб» на базе «Сатурна». Нам нужно быть первыми на орбите любой ценой, причём в ближайшие год-два. Значит, так. Разворачиваем манёвр. Ждать твой ТКС и сложные оборонные приборы мы не можем. Василий Павлович! — Устинов переводит тяжёлый взгляд на Мишина. — Оставляешь на Н-1 минимум людей, только для исправления КОРДа. Всех остальных инженеров ОКБ-1 перебрасываешь на орбитальную тематику.

— Дмитрий Фёдорович, но как же... — вскинулся Мишин.

— Не перебивать! Слушай приказ. Мы объединяем ваши усилия. Владимир Николаевич, ты отдаёшь Мишину готовые корпуса «Алмаза». Снимаем с них всю секретную военную начинку. Василий Павлович, твоя задача — в кратчайшие сроки поставить в эти корпуса проверенные системы жизнеобеспечения, телеметрию и стыковочные узлы от твоего корабля «Союз». Двигатели возьмём у Исаева. Сделаем гибрид. Простой, надёжный, гражданский долговременный форпост.

Устинов встаёт, опираясь ладонями о стол:

— Мы обязаны запустить эту станцию к концу семидесятого или в начале семьдесят первого года. А когда обкатаем гибрид, Владимир Николаевич, вернёшься к своему чисто военному «Алмазу». Завтра к двенадцати часам жду от Челомея и Мишина совместный график передачи корпусов и график доработок. Не поделите чертежи — партбилеты положите на этот стол оба. И ещё, для всех. Подготовьте в течение трёх дней своё видение по перспективным проектам. Есть что интересное — пишите. А вольницу вашу и грызню мы прикроем раз и навсегда! Ступайте работать, товарищи.

22 июля 1969 года. Крым, ЦДКС НИП-16

В аппаратной слышен только шум работающего оборудования, но внезапно интерком оживает, заполняя всё пространство последовательностью команд.

— Внимание всем службам! Готовность к сеансу 402-Л, приём сигнала взлёта. Посадочная платформа Е-8-5 выполнила программу бурения. Грунт в капсуле возвратной ракеты. Дальность до Луны — 380 тысяч километров. Расчётное время прохождения радиосигнала — 1,28 секунды.

— «Азимут», «Зенит», доложить готовность приёмных каналов!

— Комплекс «АДУ-1000» в режиме автоматического сопровождения. Шумы в норме. Сигнал с Луны устойчивый. Готовы фиксировать подрыв пироболтов взлётной ступени.

— Телеметрия посадочной платформы идёт по первому каналу. Давление в приборном отсеке стабильное, температура в норме. Готовы к приёму телеметрии взлётного модуля.

— Внимание, по расчёту — 30 секунд до старта. Баллистики, как готовность ЭВМ?

— Главный вычислительный центр в Москве на связи, телетайп исправен. Ждём маркер отрыва.

0 секунд. Старт с Луны.

— Есть подрыв пироболтов! Фиксирую скачок частоты! Взлётный модуль оторвался от посадочной платформы.

— Пошёл сигнал взлётной ступени! Несущая стабильная. Подключаю дешифратор «Малыш». Пошла телеметрия взлёта!

— Докладывать параметры по секундам!

— Пятая секунда. Двигатель пошёл на режим. Давление в камере сгорания — сто процентов от номинала. Система стабилизации компенсирует угловые отклонения. Борт-счётчик работает.

— Видим рост радиальной скорости по доплеровскому сдвигу. Идёт строго по траектории выведения.

— Десятая секунда. Программный разворот по тангажу. Автомат стабилизации работает без замечаний. Напряжение на бортовой батарее — 28 вольт. Температура двигателя в допуске.

— Отлично. Связь с Москвой, передайте в МОМ: старт успешный, полёт нормальный.

— Пятнадцатая секунда. Внимание... Резкий бросок угловых скоростей по оси вращения! Падает давление в магистрали питания наддува баков...

— Амплитуда сигнала падает! Срыв синхронизации...

— Давление в камере — ноль! Напряжение упало... Нет сигнала! Телеметрии нет!

— «Азимут», перестроить приёмники! Найти несущую!

— Кручу частоту... Нет несущей. Белый шум на всех каналах «АДУ-1000». Сигнал полностью отсутствует.

— Баллистики, что по доплеру? Корабль сопровождения на траектории?

— Доплеровский сдвиг замер на пятнадцатой секунде. Скорость больше не растёт. Похоже, движение прекратилось. Если был взрыв — обломки падают обратно на Луну.

В аппаратной вновь установилась тишина, слышен только шум из контрольных динамиков.

— На пятнадцатой секунде... Телеметрия оборвалась мгновенно. Давление в баках ушло в ноль за долю секунды. Бортовое питание отключилось одновременно. Это не сбой передатчика, товарищ полковник. Это разрушение аппарата. Взрыв топливных баков.

— Всем оставаться на местах. Зафиксировать точное время пропадания сигнала на магнитных лентах. Запечатать телеметрию пятнадцати секунд взлёта. Немедленно передать баллистикам координаты точки предполагаемого падения остатков модуля. Я докладываю Бабакину и Афанасьеву в Москву.

21 июля 1969 года. Москва, Старая площадь. Спецбюро ЦК

Илларионов уже давно подключил канал «Квант» и ждал, но ответа Роберта не было. Наконец телетайп весело застрекотал, и лента медленно стала выходить из аппарата.

«Игорь, прими мои глубочайшие извинения. Мне жаль вашу «Луну-15». Это не был технический сбой».

Игорь молча смотрел на пляшущие символы на ленте. Он уже знал об аварии «Луны-15» по утренним сообщениям, но то, что сейчас писал Роберт, не укладывалось в голове.

Он быстро набрал:

«Что произошло, Роберт? Говори прямо».

«Люди сенатора Байрда из закрытого сектора ВВС. Пока Келдыш и НАСА обменивались траекториями, наши радикалы использовали мощный радар военного базирования на атолле Кваджалейн. Они использовали фазированную антенную решётку секретного радарного комплекса ВВС США «ALTAIR», — быстро выстукивал литерный механизм телетайпа Лэнгли. — Мои люди из технологического отдела Пентагона подтвердили параметры перехвата. Это была хирургическая работа, Игорь».

Илларионов вглядывался в строчки, чувствуя, как внутри закипает гнев. Он набрал ответ:

«Как они пробили экранирование? На взлётной ступени Е-8-5 стоит дублированный контур командной радиолнии «Заря».

«Они и не пытались взломать ваш шифр, — ответил Гейтс. — Радикалы Байрда сыграли тоньше. Когда «Луна-15» включила основной жидкостный двигатель Исаева для разгона к Земле, температура в хвостовом отсеке поднялась, снизив диэлектрическую прочность изо-

ляции коаксиальных кабелей бортовой антенны. В этот секундный зазор они выдали с Кваджейна направленный узкополосный СВЧ-импульс мегаваттной мощности в мегагерцовом диапазоне — прямо на частоте вашей промежуточной гармоники».

«Наведённый потенциал... — отстукал он на клавишах. — Они вызвали лавинный пробой в кремниевых диодах дешифратора».

«Именно, — подтвердил телетайп из США. — Мощная наведённая наводка внутри неэкранированного жгута проводки создала паразитный потенциал на шине управления. Бортовой аналогово-дискретный автомат воспринял этот электрический всплеск как штатную команду на экстренную отсечку топлива. Клапаны подачи гелия в баки наддува захлопнулись раньше времени. Двигатель заглох на середине импульса, а избыточное давление азотнокислого окислителя мгновенно разорвало трубопровод низкого давления. Вашу станцию разнесло гидроударом, Игорь. В логах вашего ЦУПа это будет выглядеть как банальный прогар камеры сгорания или взрыв ТНА (турбонасосного агрегата). Ни одна гражданская экспертиза в СССР не найдёт здесь американский след».

«Зачем, Роберт?! Мы же договаривались!» — набрал Илларионов.

«Они боятся нашего сближения, Игорь. Байрд и его генералы счи

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.